

В час приношений его: ограбил, должно быть, народы
Или Борей, или Австр, примчавший нам эти доспехи.

А когда галлы, взяв уже остальную часть города, под покровом ночного мрака, тайком проникли в Капитолий, который единственно оставалось взять для полной гибели римского имени, гусь, которого ранее там не видели, возвестил о присутствии галлов и побудил стражей к защите Капитолия, о чем согласно друг с другом свидетельствуют Ливий и многие блестящие писатели. Об этом упоминает и наш поэт, описывая Энеев щит в восьмой песни, ибо он поет так:

Манлий стоял в высоте, Тарпейской сторож твердыни
Перед храмом, храня Капитолии горные, дале
Ромулов зрелся дворец и щетинился свежей соломой,
Здесь серебряный гусь, летая по позлащенным
Портикам, пел, что галлы уже на самом пороге.

Когда же римская знать под натиском Ганнибала обессилела настолько, что для окончательного разорения Римского государства достаточно было лишь вторжения пунийцев в город, внезапно налетевший ужасный град, внеся смятение, не дал победителям довести свою победу до конца, как говорит Ливий в «Пунической войне», описывая это среди прочих событий. Разве переправа Клелии не была удивительной, если женщина, плененная во время осады Порсенны, сорвав оковы, воодушевляемая дивным содействием Божьим, переплыла Тибр, о чем упоминают почти все летописцы Римского государства, к ее вящей славе? Так подобало действовать Тому, Кто от века предвидел все в прекрасном строе; и подобно тому, как впоследствии Зримый творил чудеса ради Незримого, так Он же, Незримый, являл их ради Зримого.

V.

Кроме того, всякий, кто имеет в виду благо республики, имеет в виду цель права. Что это так, доказывается следующим образом: право есть вечное и личное отношение человека к человеку, при сохранении которого сохраняется человеческое общество и при разрушении которого оно разрушается. Ведь формулировка в «Дигестах» не говорит, что такое право по существу, а описывает его по признаку пользования им. Стало быть, если такое определение правильно охватывает как сущность, так и причину, а цель всякого общества есть общее благо его членов, необходимо, чтобы целью всякого права было общее благо; таким образом, не может существовать право, не имеющее в виду общее благо. Поэтому хорошо говорит Туллий в «Первой риторике»: «Всегда законы должны быть толкуемы ко благу республики». Если же законы не направлены ко благу тех, кто находится под законом, они законы лишь по имени, на деле же таковыми быть не могут. Ведь законам надлежит связывать людей друг с другом ради общей пользы. Потому хорошо говорит Сенека о законе в «Книге о четырех добродетелях»: «Закон – это узы человеческого общества». Итак, ясно, что все направленное на благо республики направлено и на цель права. Следовательно, если римляне имели в виду благо республики, справедливо будет сказать, что они имели в виду и цель права. А то, что римский народ, подчиняя себе мир, имел в виду означенное благо, подтверждают его подвиги. Во всех них, отрешившись от всякой корысти, всегда являющейся противницей республики, и возлюбив всеобщий мир вместе со свободой, этот святой народ, набожный и славный, явно пренебрегал собственными выгодами, для того чтобы послужить общему благоденствию рода человеческого. Вот почему правильно написано: империя Римская рождается из источника благочестия.

Но так как в намерении всех действующих по выбору ничто не оказывается явным вовне, кроме того, что обнаруживается посредством внешних знаков, а исследовать речи надлежит сообразно предлагаемой материи, как уже было сказано, для нас здесь достаточно, если намерения народа римского будут обнаружены по несомненным знакам, являемым как в целых коллегиях, так и в отдельных лицах. В отношении коллегий, посредством которых тем или иным образом люди связываются с республикой, достаточно одного лишь авторитетного свидетельства Цицерона во второй книге «Об обязанностях». Он говорит: «Пока власть республики держалась на благо-